

ГЛАДИАТОР ИЗ БУДУЩЕГО

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

ВИКТОР ПОРОТНИКОВ

**РИМ должен
быть РАЗРУШЕН!**

Гладиатор из будущего

Виктор Поротников

**Гладиатор из будущего. Рим
должен быть разрушен!**

«Яуза»

2011

Поротников В. П.

Гладиатор из будущего. Рим должен быть разрушен! /

В. П. Поротников — «Яуза», 2011 — (Гладиатор из будущего)

Он заброшен в Древний Рим из XXI века. Вместе с легендарным Спартаксом он поднял восстание гладиаторов и разгромил римские легионы, изменив ход истории. Он написал на знаменах рабов: «РИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН!» – и повел их на штурм проклятого Вечного города. Но после победы, обернувшейся беспощадной бойней, очнувшись от боевого бешенства среди трупов женщин и детей, насмотревшись, как вчерашние гладиаторы заставляют пленников сражаться и умирать на арене на потеху пьяным рабам, впору усомниться в собственной правоте: зачем ломать историю, если альтернативная реальность еще более кровава и бесчеловечна? И что ему теперь делать? Бежать обратно в будущее, предав братьев по оружию? Или остаться со Спартаксом до конца, испив общую чашу? **НОВЫЙ** роман от автора бестселлера «СПАРТАК-ПОБЕДИТЕЛЬ»! Продолжение крестного пути «попаданца», восставшего против законов Вечности! **ГЛАДИАТОР ИЗ БУДУЩЕГО** против римских легионов!

© Поротников В. П., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая Разлады	7
Глава вторая Битва у горы Гарган	15
Глава третья Смерть претора Аррия	22
Глава четвертая Человек со шрамом	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктор Петрович Поротников

Гладиатор из будущего. Рим

должен быть разрушен!

Часть первая

Пролог

Галлы усилили натиск и смогли наконец привести в полное расстройство переднюю шеренгу пренестийской когорты.

Индутиомар, находившийся подле меня, метнул свой дротик почти одновременно со мной. Его короткое копье, просвистев в воздухе, угодило между глаз римскому центуриону, пробив ему голову навылет. Индутиомар славился среди воинов Крикса своей меткостью и силой. Пущенный мною дротик вонзился в левое плечо римскому трубачу в тот миг, когда тот

собирался подать какой-то сигнал своим изогнутым в дугу медным букцином. Трубач осел на землю в двух шагах от сраженного Индутиомаром центуриона с красным гребнем на шлеме.

Этот устрашающий гул сражения горячил мне кровь и будоражил нервы. Я с поразительной отчетливостью видел перед собой глаза легионеров, блестящие из-под круглых металлических шлемов, видел их утомленные вспотевшие лица над колеблющейся стеной из прямоугольных щитов. Мой щит то и дело сотрясался от ударов вражеских мечей и копий. Римские легионы – грозная сила! – в этом сражении никак не могли взять верх над полчищами восставших рабов и гладиаторов.

Раздался свисток оптиона: пренестийская когорта стала перестраиваться, сплывая ряды и уменьшая интервалы между шеренгами.

Я бросился на оптиона, который не растерялся и мастерски отбил мои выпады мечом. Затем оптион с такой силой двинул меня нижним краем своего щита, что я с трудом удержался на ногах. Наседая на меня, оптион наносил быстрые колющие удары мечом сверху вниз, норовя поразить меня в лицо или шею. Это оказался весьма опытный воин! Хотя я уворачивался и закрывался щитом, клинок ловкого оптиона все же рассек мне верхнюю губу и подбородок.

«Ах ты, гребаный капрал! – разозлился я, ощутив во рту солоноватый привкус крови. – Да я сейчас твои кишки на меч намотаю!»

Убитые и раненые так и валились с обеих сторон прямо под ноги сражающимся. Запнувшись за какого-то убитого легионера, я вновь пропустил довольно опасный удар вражеского меча – этот храбрый оптион отлично владел оружием! Удар его меча пришелся прямо в нащечник моего шлема, едва не выбив мне глаз.

Задыхаясь от бешенства, я бил и бил своим щитом в щит оптиона, дабы сбить его наступательный порыв. При этом я делал обманные замахи своим мечом, вынуждая римлянина закрывать голову щитом. При очередном таком замахе я изловчился и вонзил острие меча в бедро оптону выше колена. Рана была не опасная, однако оптион невольным движением опустил щит книзу, прикрывая раненую ногу. Я мигом воспользовался этим, резко выбросив вперед свой разящий меч, пропоров римлянину горло под самым подбородком.

«Получай, урод! – с мстительным торжеством возрадовался я. – Думаешь, ты один такой крутой боец! Есть и покруче тебя!»

Хрипя и захлебываясь кровью, оптион пятился от меня, спеша укрыться за спинами легионеров из второй шеренги. Легионеры чуть расступились, выручая своего военачальника. Двое из них заслонили тяжело раненного оптиона своими щитами.

Индутиомар, ни на шаг не отстававший от меня, набросился на одного из этих легионеров, в то время как я сошелся в схватке с другим. Легионер, скрестивший со мной свой меч, был выше меня на целую голову. Этот великан сразу дал почувствовать мне мощь своих ударов клинком и напористых толчков щитом. Пот заливал мне глаза, мешая следить за действиями моего рослого врага. Идти напролом я не решился, поэтому стал ловить могучего римлянина на какой-нибудь его оплошности. Удача улыбнулась мне очень скоро. Индутиомар разрубил шлем легионеру, стоявшему против него. Тот с громким вскриком отшатнулся и стал падать навзничь, как подрубленное деревце, толкнув при этом своего товарища-гиганта, который в этот момент пытался поразить мечом меня. Всего на миг невольно замешкался мой грозный противник, обратив взор на своего смертельно раненного соратника. Мне хватило этого мига, чтобы стремительно сблизиться с римлянином и поразить его мечом в живот под нижний край его кольчуги. Мой враг со стоном упал, и я добил его точным ударом в шею, как меня учили в гладиаторской школе. Струя теплой человеческой крови брызнула мне прямо в лицо, окропив темно-рубиновыми каплями мой кожаный панцирь и овальный щит.

«Римляне надолго запомнят битву при Амитерне! – мелькнуло у меня в голове. – Сегодня консул Геллий не досчитается многих воинов и знамен! Пусть знают спесивые квириды, как умеют сражаться восставшие рабы!»

Глава первая Разлады

Дом, в котором поселился Спартак со своей возлюбленной Ифесой на эти зимние месяцы, находился в самом центре Метапонта. В этом доме на улице Меропис в конце февраля собрался военный совет, положивший начало разладам среди вождей восставших рабов.

Поскольку с недавних пор я числился среди советников Крикса, меня тоже пригласили на это совещание. Перед Спартаком и его соратниками стояла дилемма, вести ли и дальше войну с римлянами на территории Италии или уйти отсюда через горные Альпийские проходы и рассеяться по соседним землям.

Открывая этот совет, Спартак первым изложил свою точку зрения. По его мнению, для восставших разумнее всего было бы покинуть Италию, поскольку победить Рим им все равно не по силам.

«Не нужно обольщаться, братья, – сказал Спартак. – Наши прошлогодние победы над римскими полководцами одержаны по той простой причине, что мы сражались с плохо обученными новобранцами. Закаленные в походах римские легионы пребывают за пределами Италии, воюя в Испании и Азии. Против этих римских войск нам не выстоять, поэтому я настаиваю на уходе из Италии наших отрядов, как только растают снега на Альпийских перевалах».

С мнением Спартака согласились военачальники, происходившие родом из Фракии, Иллирии и Македонии. Все они, обрета желанную свободу, стремились поскорее уйти из ненавистой Италии в отчие края, до которых было совсем недалеко. Можно было бы избрать и более короткий путь через Адриатическое море, но у восставших рабов не было кораблей.

Против предложения Спартака высказались военачальники-галлы, мнение которых выразил в своей речи Крикс, второй человек после Спартака в войске восставших.

– Братья, зачем толковать о грозных римских легионах, которые в данное время воюют где-то за морями и далями, – заявил Крикс. – То, что у римлян не оказалось под рукой надежных войск, есть великая удача для нас! Надо воспользоваться этим и идти напрямик на Рим! В Риме рабов в несколько раз больше, чем свободных граждан. Как только наше войско окажется под стенами Рима, вся эта многотысячная масса рабов переметнется на нашу сторону. Братья, мы утопим Рим в крови! Главное, не медлить и не робеть! Нас же не горстка беглецов, но шестьдесят тысяч вооруженных бойцов, четверть из которых гладиаторы, отлично владеющие оружием!

На сторону Крикса встали и те из вождей восставших, которые были родом из Италии. Этим людям не было смысла уходить с итальянской земли, ведь их родина была здесь. Об этом и завел речь самнит Клувиан.

– Братья, конечно, можно понять фракийян и иллирийцев, рвущихся из Италии домой, – молвил Клувиан, – но нужно прислушаться и к нам, италикам. Мы сбросили рабские цепи не для того, чтобы навсегда покинуть землю наших предков. Наши счеты с римлянами длиннее, чем у тех же фракийцев и македонцев. В Самнии и Лукании нет ни одного города, который не был бы разорен в прошлом римскими войсками. Некоторые из наших городов подвергались разорению по несколько раз! По могильным холмам можно читать историю войн самнитов с римлянами. Где теперь самнитская знать? Ее нет, ибо она вся поголовно вырезана римлянами за полтора столетия войн и восстаний. Если Крикс поведет наше войско на Рим, то все самниты и луканцы пойдут за ним!

Не менее пылко возражали против замысла Спартака перебежчики из римских отрядов, разбитых восставшими в прошлое лето. Этим людям грозила смерть за дезертирство. Поскольку они нарушили воинскую присягу, то по законам Римского государства пощады им быть не могло. Один из таких перебежчиков Гай Каниций тоже взял слово.

– Друзья, – обратился он к военачальникам, вставшим на сторону Спартака, – если вы приняли решение уйти из Италии, вы вольны это сделать. Однако хочу вам заметить, что если перед уходом отсюда вы поучаствуете в разграблении Рима, то вернетесь в родные края не только свободными людьми, но еще и богатыми. Имея золото, вы обретете почет и уважение на своей родине! А если вы вернетесь домой еще и с плененными римлянками в придачу, тогда и вовсе уподобитесь ахейским вождям, взявшим Троию и поделившим меж собой знатных троянок!

Я сидел в сторонке, слушая речи других и не собираясь вступать в этот спор, как вдруг Крикс громко объявил собравшимся, что неплохо бы послушать человека, имеющего дар предвидеть будущее.

– Пусть Андреас объявит нам грядущее, если наше войско пойдет на Рим, – сказал Крикс. – Это подведет логическую черту под нашими прениями, избавит многих из нас от сомнений и укажет нам верный выход из этого затруднения. До сих пор предсказания Андреаса всегда сбывались.

Посреди воцарившейся мертвой тишины я встал со своего места и, обведя долгим взглядом собрание военачальников, спокойно вымолвил, что в случае нападения войска восставших на Рим – Вечный Город падет.

– Не будет ни штурмов, ни осады, – сказал я, – рабы в стенах Рима поднимут мятеж и откроют нам ворота.

После сказанного мною вождей восставших охватила бурная радостная эйфория. Они смеялись и обнимались, как дети. Глаза и лица этих суровых людей, покрытых шрамами и многое испытавших в жизни, светились счастьем, словно эта великая победа была уже одержана ими. Никакие труды и никакие жертвы на пути к этой победе не казались им большими, ибо это было их самым заветным чаянием, самой желанной расплатой римлян за все страдания и унижения.

Спартак поспешил распустить военный совет, видя, что подавляющее большинство его соратников полны решимости нанести удар по Риму и вовсе не намерены обсуждать, каким путем войску восставших двигаться к Альпам. Даже те из военачальников, кто изначально поддерживал Спартака, после моего предсказания были настроены на то, чтобы сначала разграбить Рим и только после этого покинуть Италию.

Я вышел из дома на озаренную солнцем широкую улицу вместе с Криксом и военачальниками-галлами. За мной увязался Гай Каниций. Он несколько раз пытался заговорить со мной, но я был вынужден отвечать на дружеские реплики галлов и германцев, которые, выражая мне свою симпатию, наперебой желали мне здоровья и благополучия в делах. Наконец я смог обратиться к Гаю Каницию, желая узнать, что за дело у него ко мне.

– Друг мой, у меня к тебе очень важный разговор! – понизив голос, проговорил Гай Каниций и крепко взял меня за руку. – Спартак не верит в победу нашего войска над римлянами, а я знаю, каким образом можно сокрушить Рим. Идем к моему приятелю Хрисанфу, Андреас. Я тебе все расскажу.

– Не лучше ли рассказать об этом Спартаку, все-таки во главе восставших стоит он, – заметил я.

– Вот, ты и поведаешь Спартаку мою задумку, выдав ее за свою или за некое божественное предсказание, как сочтешь нужным, – с таинственным выражением на лице продолжил Гай Каниций. – От сказанного тобой Спартак не отмахнется, ведь тебе он доверяет больше,

чем мне. Андреас, твой дар предвидения возвышает тебя над всеми нами, и даже над самим Спартаком.

Я дал согласие Гаю Каницию пойти с ним в заведение Хрисанфа, усмехнувшись про себя: «Не я тебе нужен, приятель, а Крикс! Через меня ты хочешь подмазаться к Криксу».

Заведение Хрисанфа, расположенное на соседней улице, было самым обычным притоном, где можно было выпить вина и купить на ночь проститутку. Поэтому шумная ватага галлов и германцев проводила нас с Гаем Каницием шутками и смехом, узнав, куда мы направляемся.

Толстяк Хрисанф построил свое благополучие на продаже вина и содержании блудниц. Это был очень хитрый и расчетливый человек, скрывавший под маской добродушия все свои пороки. Он был еще не стар, но неумеренный образ жизни, пьянство и обжорство не лучшим образом отразились на его внешности. В свои тридцать лет Хрисанф выглядел на все сорок.

С той поры, как войско восставших рабов расположилось на зиму в Метапonte, здесь увеличилось количество лупанаров и продажных женщин. Разграбив множество вилл, а также несколько городов в Кампании и Лукании, воины Спартака имели на руках немало золота и серебра в изделиях и монетах. Сытная и безмятежная жизнь в Метапonte толкала вчерашних рабов в объятия сладострастных удовольствий. И хотя Спартак приказал начальникам когорт и сотен следить за тем, чтобы подчиненные им воины тратили деньги лишь на покупку продуктов и всего самого необходимого, на деле этот приказ никем не выполнялся. Военачальники, как и их подчиненные, предпочитали покупать вино и проводить время с блудницами. Все местные содержатели притонов были лучшими друзьями тех соратников Спартака, кто был падок на вино и женские прелести.

Я не стал расспрашивать Гаю Каниция, когда и как он подружился с Хрисанфом, поскольку догадывался, что, судя по всему, тот умел угождать особо ценным клиентам, в числе которых оказался и этот римский дезертир. Гай Каниций имел отменную военную выучку, поэтому Спартак сделал его командиром когорты. Главными недостатками Гаю Каниция были алчность и трусость. Еще он никому не доверял, поэтому держался особняком.

В шумном многолюдном заведении Хрисанфа для меня и Гаю Каниция нашлась отдельная уютная комнатка на втором этаже этого каменного здания, над главным входом которого красовалась большая вывеска с надписью «Аполлон Мусагет». На этой же вывеске внизу был нарисован прекрасный светлокудрый Аполлон, обнимавший двух обнаженных девиц явно легкого поведения.

Я много раз бывал на этой улице, идущей от агоры к морскому порту, не единожды проходил и мимо таверны Хрисанфа, но зашел сюда впервые лишь теперь, в компании с Гаем Каницием.

Гай Каниций велел Хрисанфу, чтобы тот принес нам велитернского вина и соленых оливок. Удаляясь, толстяк Хрисанф осведомился, понадобятся ли нам девицы, мол, у него как раз две красавицы сидят без дела.

– Нам пока не до девиц, – небрежно отмахнулся Гай Каниций, сбрасывая с себя красный военный плащ.

Сидя за грубо сколоченным столом, я приглядывался к Гаю Каницию, стараясь по его внешности определить, что он за человек. Этот тридцатилетний римлянин имел весьма статное телосложение. Он был мускулист и довольно высок ростом. У него были правильные черты лица, тонкие губы имели волевой росчерк, а в голубых глазах светился ум. Светлые выющиеся волосы Гаю Каниция сильно красили его, по этой причине он не мог не нравиться женщинам. Как и все римляне, мой собеседник был гладко выбрит, тем самым выделяясь среди соратников Спартака, которые в большинстве своем носили усы и бороду.

– Я никак не пойму, Андреас, ты – эллин или галл? – Гай Каниций посмотрел мне в глаза, усаживаясь за стол напротив меня. – Судя по акценту, с каким ты говоришь на латыни и греческом...

– Да, я имел несчастье родиться галлом, – натянуто улыбнулся я, – но мать моя была гречанкой.

– Говорят, ты знатного рода, это правда? – Гай Каниций продолжал сверлить меня пристальным взглядом.

– Это правда, – кивнул я, не пряча глаз. Я решил максимально возвыситься в глазах этого хитрого пройдохи.

– Теперь понятно, почему Крикс приблизил тебя к себе, – сказал Гай Каниций с неким удовлетворением в голосе.

Толстяк Хрисанф принес нам вино и закуску, и только когда его тяжелые шаги затопали по ступеням деревянной лестницы вниз в общий зал, мой собеседник заговорил о том, ради чего он и пригласил меня сюда.

– Спартак, конечно же, прав в том, что лучшие войска Рима войску гладиаторов не по зубам, – промолвил Гай Каниций, отпив вина из медной чаши. – Однако Спартак заблуждается, полагая, что за пределами Италии войско восставших рабов избегнет возмездия со стороны римлян. Иллирия, Фракия, Македония и Греция давно завоеваны Римом. Беглым рабам не обрести там спокойной жизни, римские власти сделают все, чтобы добраться до них. В этой войне с Римом восставшим рабам нужно идти до конца! Спартаку нужны союзники для полной победы над Римом, и эти союзники: Серторий и Митридат.

Заметив, что я слегка вздрогнул, услышав это, Гай Каниций взволнованно и обрадованно проговорил, ткнув в меня пальцем:

– Уверен, друг мой, и тебя посещали эти мысли! Признайся, посещали?

Я молча покивал головой.

– Ты же неглупый малый, Андреас, – продолжил Гай Каниций, отправляя в рот две темные оливки. – Я это сразу понял, как только увидел тебя. Поскольку ты обладаешь даром предвидения, тебе известны все расклады наперед. Ты же понимаешь, что даже если Спартак соберет под своими знаменами сто тысяч рабов, в одиночку он Рим не победит. Спартаку необходимо заключить союз с Серторием и Митридатом.

– Но Митридат сейчас сам ведет трудную войну с римлянами в Азии, до Спартака ли ему, – неуверенно возразил я. – Серторий тоже воюет в Испании с Помпеем. Чем он сможет помочь Спартаку?

– Дружище, и Митридат и Серторий с великой радостью окажут поддержку Спартаку, как только они узнают об его успехах и численности восставших, – с блеском в глазах заверил меня Гай Каниций. – Митридат может прислать Спартаку корабли и оружие. Серторий может направить к Спартаку опытных военачальников, которые в свое время сражались с Суллой на стороне Гая Мария. И главное, Сертория поддерживают киликийские пираты, флот которых господствует на всех морях от Азии до Ливии. Стоит Серторию пожелать, и киликийские пираты станут союзниками Спартака. Имея свой флот, Спартак сможет перебросить свое войско хоть в Грецию, хоть в Иллирию, хоть на Сицилию, хоть куда!

– Я обязательно поговорю об этом со Спартаком и Криксом, – сказал я. – Вот только кто пожелает отправиться в Испанию к Серторию и в Азию к Митридату. Тут нужны люди с хорошо подвешенным языком и сметливым умом, а таких в окружении Спартака очень немного.

– К Серторию могу поехать я, благо мы с ним земляки, – без колебаний заявил Гай Каниций. – Квинт Серторий родом из сабинского города Нурсия, как и я. Уверен, мне удастся столковаться с Серторием. Я смогу расположить его к Спартаку. Рано или поздно Серторий разобьет Помпея, и тогда ему останется только идти на Рим, чтобы отменить все сулланские законы

и вернуть Республику квиритов в лоно прежней дедовской демократии. Вот тогда-то Серторию и пригодится Спартак и его отряды.

– А кто поедет к Митридату? – Я взглянул на своего собеседника, догадываясь в душе, что у него уже имеется кандидат на это дело.

– К Митридату следует послать Эмилия Варина, – ответил Гай Каниций. – Он смел и неглуп, умеет плавать и ездить верхом, свободно говорит по-гречески. Я уже разговаривал с ним на эту тему. Эмилий Варин дал свое согласие стать посланцем от Спартака к понтийскому царю. Остается только убедить самого Спартака в выгоде для него иметь союзниками Митридата и Серторию.

– Но ведь для поездки в Испанию и Азию нужны корабли, где их взять? – заметил я, пробуя вино в своей чаше.

– Об этом я уже позаботился, – угощаясь солеными оливками, промолвил Гай Каниций. – У Хрисанфа есть старший брат, владеющий добротным торговым судном. Его зовут Феокл. За приличное вознаграждение Феокл готов доставить меня в Испанию на своем корабле, благо путь туда ему известен. Для путешествия в Азию я подыскал другое судно. Один местный купец имеет торговые дела в Эфесе и Милете, он-то и отвезет в Азию нашего гонца.

– А ты зря время не теряешь, приятель, – усмехнулся я. – Все уже продумал, все предусмотрел. С такой хваткой ты далеко пойдешь!

– Мой жизненный успех будет зависеть от победы Спартака над Римом, поэтому я делаю все, чтобы эта победа случилась, – с серьезным лицом произнес Гай Каниций. – Если тебе не удастся убедить Спартака заключить союз с Серторием и Митридатом, тогда постарайся убедить в этом Крикса.

«Ну, этот неугомонный забияка согласится заключить союз хоть с самим Аидом, лишь бы разбить ненавистных римлян в пух и прах!» – подумал я.

* * *

Влажный южный ветер разносил по всему предместью, утопавшему в садах, запах свежей молодой листвы лавровых и мастиковых деревьев. На фоне багрово-красного закатного неба мрачно темнели вершины невысоких гор, подступавших к Метапонт с северо-запада. Уже умолкли птицы. На соседних виллах окна, занавешенные тонкой тканью, озарились рыжеватым светом масляных ламп.

Я прогуливался по крытой террасе на втором этаже усадьбы, любясь закатом и вслушиваясь в песню, которую пели печально-возвышенными голосами две девушки, скрытые от меня высокими кипарисами, растущими в переулке. Там, за кипарисовой аллеей и невысоким каменным забором, стояла вилла какого-то местного богача-грека, который не только не убоился воинства восставших рабов, занявшего Метапонт, но даже сумел подружиться со многими вождями восставших.

Этого знатного грека звали Ктесиох. У него имелось двое совсем юных сыновей и две дочери на выданье. Дочери Ктесиоха частенько пели и музицировали на арфах, сидя на скамье в тенистом саду. Чаще всего это случалось по вечерам, как сегодня.

Песня, которую исполняли две юные гречанки, своим мотивом напомнила мне одну из песен группы «Скорпионе» – «Ветер перемен». Сходство было, конечно, очень небольшое, но и этого хватило для того, чтобы меня вдруг захлестнула волна грустной ностальгии по тем временам, когда я был аспирантом истфака Московского университета, жил на съемной квартире вдвоем с любимой женщиной, писал диссертацию, пытался зарабатывать деньги своим умом и строить свое счастье. Все это рухнуло и исчезло совершенно непонятным мистическим образом после моей встречи с группой итальянских археологов, оказавшихся на деле никакими не археологами, а скорее шайкой авантюристов. Владея устройством, похожим на

машину времени, эти лжеитальянцы забросили меня в глубь веков, в эпоху Древнего Рима. Подобно щепке, угодившей в бурный водоворот, я сначала очутился в гладиаторской школе в Капуе, где сдружился со Спартаксом и Криксом, а когда эти двое подняли в школе мятеж, то я без раздумий пошел за ними вместе с двумя сотнями отчаянных храбрецов. С первого дня восстания находясь рядом со Спартаксом, участвуя в сражениях с отрядами римских легионеров, я не переставал думать о том, чем же в конце концов закончится этот эксперимент со мной, если это вообще можно назвать экспериментом. Какой во всем этом смысл?

Завеса над непонятным и таинственным приподнялась здесь в Метапонте всего месяц тому назад, когда я неожиданно столкнулся прямо на многолюдной улице со своим бывшим однокурсником Максимом Белкиным, тоже заброшенным в далекое прошлое теми же лжеитальянцами. Со слов Белкина выходило, что лжеитальянцы на самом деле являются сотрудниками российских спецслужб, которые переместились из 2031 года в 2011-й для выполнения особой миссии. Оказывается, там, в будущем, Россию ожидает ужасная катастрофа в результате ракетных ударов НАТО. Для предотвращения этой катастрофы нужен деятельный человек, знакомый с античным бытом, которому необходимо сделать так, чтобы на каком-то отрезке древней истории случилось кардинальное изменение событий. К примеру, восстание Спартака завершилось победой над Римом. В результате такого коллапса случится цепная реакция по всей спирали грядущих времен, где тоже произойдут неизбежные изменения в исторических событиях. И одним из этих изменений станет крушение замысла натовских генералов по расчленению России.

По воле случая и замыслу лжеитальянцев, спасителем России и агентом из будущего в окружении Спартака «посчастливилось» стать мне. Выяснив у Белкина цель моего пребывания в древнеримской эпохе, я не успел спросить у него, что будет со мной, если мне не удастся сделать Спартака победителем Рима. Машина времени отправила Белкина обратно в двадцать первый век, прервав наш с ним разговор буквально на полуслове.

Теперь мне предстояло приложить усилия к тому, чтобы выполнить возложенное на меня задание, иначе... А вот что ожидает меня в случае провала задания – об этом мне оставалось только гадать. В конце концов, brave ребята из спецслужб могут просто махнуть на меня рукой, оставив на произвол судьбы в этой проклятушей рабовладельческой эпохе.

С такими невеселыми мыслями в голове я спустился на первый этаж виллы в просторное помещение с очагом, в котором весело потрескивало горячее пламя, пожирая смолистые поленья. Усевшись на скамью возле очага, я собрался было обмозговать свои дальнейшие действия по сколачиванию сильной оппозиции во главе с Криксом, как вдруг мои размышления были прерваны появлением Эмболярии.

– С каких это пор ты свел дружбу с дезертиром Гаем Каницием? – недовольно промолвила Эмболярия, обращаясь ко мне. – Как ты можешь общаться с изменником!

– Этот изменник, как ты выразилась, весьма неглуп, – сказал я, не глядя на самнитку, стоявшую передо мной. – Он посвятил меня в свой замысел, при осуществлении которого наше войско сможет сокрушить Рим, ни много ни мало. К сожалению, Спартак не одобрил задумку Гая Каниция, объятый желанием поскорее уйти из Италии. Зато Крикс сразу ухватился за предложение Каниция заключить союз с Серторием и Митридатом.

Эмболярия хорошо знала, кто такие Серторий и Митридат. Молва о двух этих мужах, объявивших войну Риму, ходила по всей Италии.

Присев на скамью рядом со мной, Эмболярия тихо и озабоченно спросила:

– Крикс намерен действовать наперекор Спартаксу или втайне от него?

– Я убедил Крикса вести переговоры втайне, – ответил я, заглянув в глаза самнитке. – Как только утихнут зимние штормы, Гай Каниций отправится послом в Испанию к Серторию, а Эмилий Варин поедет в Азию к Митридату.

– Если Спартак все-таки уведет часть нашего войска к альпийским горным проходам, ты последуешь за ним? – так же негромко спросила Эмболария.

– Нет, я останусь с Криксом, чтобы и дальше воевать с римлянами, – без колебаний сказал я, подбросив в огонь пару поленьев.

– Значит, и я тоже останусь, – твердо произнесла Эмболария, мягко взяв меня за руку.

Я привлек Эмболарию к себе, поцеловал ее в пунцовые уста и прошептал с улыбкой:

– Конечно, останешься! Кто же будет согревать меня в постели холодными ночами.

– Если будешь шляться по притонам, мой милый, то мои любовные объятия могут стать для тебя смертельными, – в тон мне прошептала Эмболария, крепко обняв меня своими сильными борцовскими руками. – Помни об этом!

* * *

Вскоре произошли события, ускорившие раскол среди восставших рабов и едва не посеявшие между ними кровавую распрю.

Двое галлов из отряда Крикса в одном из лупанаров Метапонта учинили кровавую резню. Они убили хозяина притона, его помощника и слугу-привратника, когда с них потребовали деньги за предоставленные им услуги проституток. Два гладиатора-галла находились в хмельном угаре и плохо соображали, когда размахивали оружием и проливали кровь. Немного протрезвев ближе к утру, эти двое попытались было замести свои следы, но разбежавшиеся из лупанара блудницы слишком хорошо знали в лицо и по именам этих двоих завсегдатаев заведения под названием «Веселый Эрос», разнеся весть об их злодеянии по всему городу. Власти Метапонта и родственники убитых сразу же устремились к Спартаку, настаивая на розыске и суровом наказании убийц.

Спартак прослыл среди граждан Метапонта человеком гуманным и справедливым, всем было известно его непримиримое отношение к любым преступлениям, кровавым и бескровным, бросавшим тень на его войско. Спартаку не составило труда разыскать двух воинов-галлов, запятнавших себя кровью ни в чем не повинных людей. Однако Спартак столкнулся с решительным противодействием со стороны Крикса, который не пожелал выдать ему виновников кровавого преступления. Эти двое злодеев состояли в когорте Брезовира, который был лучшим другом Крикса и у которого совсем не было желания выдавать двух своих лучших воинов на расправу. Брезовир довольно резонно заметил Криксу, что не так давно нечто похожее совершили воины из фракийских и самнитских когорт, которые избили двоих содержателей притонов за то, что те слишком завысили стоимость услуг проституток.

«Тогда тоже была пролита кровь, поскольку не обошлось без разбитых носов и выбитых зубов, но Спартак замял это дело, – сказал Брезовир. – Так и в нашем случае, я полагаю, что эту шумиху надо замять!»

Крикс напрямую заявил об этом Спартаку.

Спартак не пожелал уступать Криксу, сказав ему, что выбитые зубы в одном случае и три трупа в другом явно не одно и то же.

«Граждане Метапонта оказали нам гостеприимство в эти зимние месяцы, поэтому с нашей стороны является верхом неблагодарности пускать в ход оружие при спорах и размолвках, – сказал Спартак. – Виновники этого тройного убийства должны быть сурово наказаны на глазах у всего войска, чтобы впредь никому из наших людей не пришлось в голову совершить такое же зло».

Спартак собрал военачальников на совет, желая заручиться поддержкой большинства из них при разрешении этого конфликта. На совете разгорелись нешуточные споры. Сторону Спартака приняли многие из начальников когорт и конных отрядов, но и на стороне Крикса оказались все военачальники-галлы, а также германцы и самниты. Взаимные упреки и обличе-

ния распалили спорщиков до такой степени, что временами едва не доходило до драки. Наконец Спартак решил прибегнуть к тайному голосованию. Все участники совета должны были опустить в сосуд либо белый камешек, либо черный. Белый камень означал помилование двух воинов-галлов, запятнанных убийством. Черный камень был знаком того, что этих двоих злодеев нужно судить и сурово наказать. Когда камни высыпали из сосуда и разложили в две кучки, то выяснилось, что черных оказалось на пять штук больше.

Спартак объявил, что решение принято, и распустил совет.

Суд над двумя злодеями должен был состояться на другой день с утра. Однако до суда дело так и не дошло, поскольку Крикс собрал всех галлов и германцев, которые походной колонной выступили из Метапонта в сторону соседнего городка Анапеста. Военачальники-фракийцы попытались было загородить дорогу воинам Крикса своими конными и пешими отрядами, но галлы и германцы, перестроившись в боевой порядок, силой пробились из Метапонта и ушли в Анапест, до которого было не более пяти миль. Галлов и германцев, ушедших вместе с Криксом, насчитывалось около пятнадцати тысяч. За последующие две недели в Анапест из Метапонта ушли еще около пяти тысяч восставших. Это были все те, кому не нравилась жесткая дисциплина, установленная Спартаком, кому хотелось заниматься грабежами и не нести за это никакой ответственности.

Крикс и его люди, расположившиеся в Анапесте, занялись своим привычным делом. Рыска по округе, галлы и германцы разоряли виллы и маленькие городки, таща в свой стан все ценное. Беглые рабы шли к Криксу толпами, иные из них приносили отрубленные головы рабовладельцев или просто случайных людей, оказавшихся у них на пути. Таким образом беглые невольники старались доказать Криксу и восставшим рабам свою готовность участвовать в этом грандиозном мятеже. За короткий срок число беглых невольников в лагере Крикса возросло до двух тысяч человек.

Я тоже ушел в Анапест с буйным воинством Крикса, имея свои далеко идущие цели. Эмболария была вместе со мной.

Глава вторая Битва у горы Гарган

В конце марта к Криксу от Спартака прибыл посланец. Им оказался Рес. Понимая, что Рес приехал неспроста и разговор с ним наверняка будет трудным, Крикс пригласил на эту встречу меня и Брезовира. Меня, как некогда дружившего с Ресом и умеющего с ним разговаривать. А Брезовир был нужен, чтобы отвечать за тех воинов-галлов, которых Крикс не выдал на расправу, если речь опять пойдет о них.

– Завтра Спартак покидает Метапонт, – сказал Рес. – Спартак намерен двигаться к Альпам. Если войско Крикса последует за Спартаком, тогда нужно сразу обговорить условия этого объединения. – Рес посмотрел на Крикса и Брезовира. – Первое условие Спартака – это беспрекословное подчинение ему. Второе условие – выдача вами Спартаку двух ваших воинов, устроивших бойню в притоне «Веселый Эрос». Третье условие...

– Как, есть еще и третье условие?! – желчно усмехнулся Брезовир, переглянувшись с Криксом. – Не слишком ли много власти взял себе Спартак!

– Спартак взял себе власти ровно столько, сколько нужно для поддержания дисциплины в нашем войске, – холодно ответил Рес. – Так вот, в-третьих, вам придется отпустить на свободу всех женщин, плененных вашими воинами в соседних с Метапонтом городках. На этом настаивают граждане Метапонта, с которыми вы поступили некрасиво и неблагодарно, – добавил Рес, вновь окинув Крикса и Брезовира неприветливым взглядом.

– Спартак собрался покинуть Италию, поэтому все его заботы о гражданах Метапонта смахивают на лицемерное притворство, – вступил в разговор я. – Спартак возмущается тем, что галлы обошлись жестоко с друзьями и родственниками метапонтцев, живущих по соседству с ними. Однако Спартак совершенно не заботит то, как обойдутся с гражданами Метапонта римляне, нагрянув сюда. Общеизвестно, что римляне не церемонятся с теми из своих союзников, кто хоть в чем-то помогает их врагам. Если бы Спартак желал блага гражданам Метапонта, то он остался бы на их земле и защитил бы их от гнева римлян.

– Вот именно! – воскликнул Крикс, одобряя сказанное мной. – Легко обвинять в неблагодарности других и закрывать глаза на собственную неблагодарность! Мои люди не пойдут к Альпам, поэтому мы не собираемся выполнять условия Спартака.

– Рес, передай Спартаку что мы продолжим войну с Римом, от которой он намерен бежать за Альпы, – запальчиво произнес Брезовир.

– В таком случае, храбрецы, вам нужно знать следующее, – поднявшись со стула, сказал Рес. – Наши лазутчики, вернувшиеся недавно из Капуи, сообщили, что римский сенат направляет на подавление восстания рабов большое войско во главе с консулами Луцием Геллием и Гнеем Лентулом. Это уже большая сила, намного превосходящая отряды Глабра и Вариния, вместе взятые.

– А, так вот почему Спартак так заторопился выступить к Альпам! – ехидно рассмеялся Брезовир.

– Все, что вы должны были услышать от меня, вы услышали, – сухо промолвил Рес. – Теперь прощайте!

Не прибавив больше ни слова, Рес вышел из шатра.

Едва Рес покинул лагерь Крикса, вслед за ним выехал я верхом на коне. Вместе со мной отправились в Метапонт пятнадцать конных галлов и две повозки, запряженные мулами, в

которые были посажены двенадцать пленных знатных гречанок, захваченных воинами Крикса в окрестных городках. Я уговорил Крикса и Брезовира выдать этих пленниц гражданам Метапонта, дабы не ссориться окончательно ни с ними, ни со Спартаксом. Истинная же цель моей поездки в Метапонт была другая. Я вез деньги, которые надлежало заплатить владельцам тех торговых судов, на которых наши послы должны были добраться в Испанию и Азию. Гай Каниций и Эмилий Варин уже ждали эти деньги, они уже были готовы отправиться в путь. Все это делалось втайне от Спартака.

Спартак при встрече был очень приветлив со мной, радуясь тому, что хотя бы одно из его условий было выполнено Криксом.

Улаживая все свои дела, я со своими телохранителями расположился в предместье Метапонта в доме, где жил до этого всю зиму. В этом доме поздно вечером я встретился с Гаем Каницием и Эмилием Марином. Я передал каждому из них по триста серебряных драхм и по сто золотых статеров. На эти деньги обоим предстояло совершить неблизкий путь по морю туда и обратно. Выпив по чаше вина за успех задуманного грандиозного дела, мы трое расстались около полуночи.

Ранним утром, едва открыв глаза, я уже знал, что оба судна с нашими послами вышли из гавани Метапонта на морской простор.

Собираясь позавтракать, я вдруг увидел перед собой Реса и Лоллию, которые пришли якобы попрощаться со мной, а на деле принялись убеждать меня оставить Крикса и вернуться к Спартаксу.

– Крикс безрассуден и горяч, – молвил Рес. – Ему не выстоять против двух римских армий. Андреас, неужели твоя обида на Спартака сильнее твоего благоразумия?

– Обида тут ни при чем, – сказал я. – Просто мне хочется отомстить за Фотиду, вот и все. За свою жизнь я совершенно не трясусь. Гибель в сражении будет для меня только в радость, ведь тогда я встречу с Фотидой в царстве Аида.

Рес и Лоллия молча переглянулись. По их лицам было видно, что они не согласны с моей точкой зрения, но не смеют ее оспаривать, видя мою непреклонность.

– Мне жаль с тобой расставаться, Андреас, – обняв меня, промолвил Рес. – Ты был мне как брат и в гладиаторской школе, и на Везувии, и в походах... Прощай! И не держи на меня зла!

От этих слов Реса у меня вдруг защемило в глазах. Я сказал ему дрогнувшим голосом, что давно уже забыл нашу с ним ссору в ноланском амфитеатре.

– Прощай, Андреас! – грустно проговорила светловолосая Лоллия и поцеловала меня в щеку. – Поцелуй от меня Эмболарию.

Отряды Спартака с самого утра выходили из города на дорогу, ведущую на север в Апулию. Конный отряд Реса был замыкающим, поэтому отважный фракиец имел время, чтобы повидаться со мной напоследок.

У меня был приказ Крикса задержаться в Метапонте еще на день-два после ухода отсюда войска Спартака. Крикс беспокоился, что встречные ветры или штормы могут завернуть корабли с нашими послами обратно в Метапонт. Мне следовало проследить за этим и обезопасить наших послов от возможных нападков горожан, если непогода все же помешает осуществлению нашего тайного замысла. При худшем стечении обстоятельств мне было велено доставить обоих послов в лагерь Крикса. К счастью, погода на море в эти дни стояла благоприятная для путешествий, я вернулся к Криксу с доброй вестью.

* * *

Войско Спартака продвигалось по Апулии короткими переходами от города к городу, останавливаясь на долгие стоянки. Эта неспешность объяснялась тем, что восставшие давали

возможность своим застоявшимся за зиму коням и мулам откормиться на тучных весенних лугах. Войско Крикса тоже двигалось на север, все время держась в стороне от отрядов Спартака. Самниты и луканцы, видя, что Спартак и впрямь не намерен оставаться в Италии, группами и в одиночку перебегали в стан Крикса, который с радостью принимал всех, обещая поход на Рим. Возле города Луцерии Крикс и его люди отстали от войска Спартака, решив задержаться в этой благодатной местности, где было много цветущих городов, деревень и усадеб.

Спартак во главе сорокатысячного войска вступил в гористый Самниум, продолжая двигаться теми же короткими переходами.

Крикс три дня стоял под Луцерией, держа в страхе власти этого города. Сначала Крикс взял с горожан в качестве откупа двести фунтов серебра, тридцать фунтов золота и всю имевшуюся у них муку. Потом Крикс, словно в издевку, потребовал, чтобы граждане Луцерии сдали все оружие, которое в стан восставших должны были принести жены, сестры и дочери местной знати. Совет декурионов Луцерии согласился и с этим унижительным требованием Крикса. Однако малодушие мужчин было посрамлено мужеством женщин, которые заявили своим отцам, мужьям и братьям, что они скорее сами лишат себя жизни, чем пойдут на позор в лагерь восставших рабов. Тогда сначала самые смелые из граждан взялись за оружие, а затем и все остальные от мала до велика. Вооружились и многие из женщин. Когда от восставших в город пришли послы, чтобы выяснить, почему так долго не выполняется требование Крикса, то горожане перекололи их копьями.

Рассвирепевший Крикс бросил на штурм Луцерии все свое войско. Несколько часов на улицах городка, во внутренних дворах и в домах кипели ожесточенные схватки. Около трех тысяч горожан нашли свою смерть в этом побоище. Крикса и его соратников-галлов потрясло то, что граждане Луцерии сами убили своих жен и дочерей, дабы они не угодили на потеху восставшим невольникам.

От залитой кровью Луцерии Крикс повел свое войско к городу Аргириппе. Этот город был значительно крупнее Луцерии, имел каменные стены и башни, поэтому его жители, принявшие к себе селян из близлежащих деревень, наотрез отказались выполнять любые требования восставших. Крикс не стал тратить время на осаду Аргириппы и повел своих воинов дальше, с ходу захватывая маленькие городки, не имевшие стен, опустошая виллы и селения. Восставшие гнали за собой тысячи коров и овец, отнятых ими у местных землевладельцев.

На гористом Гарганском мысе воины Крикса взяли приступом небольшой городок Урий, защитники которого заранее натаскали на стены побольше камней, чтобы швырять их сверху в мятежников. Как и в Луцерии, все население Урия было вырезано поголовно галлами и германцами, мстившими таким образом за своих погибших соратников.

Во взятом восставшими Урии меня поразил один случай. Совсем еще юная девушка, не желая даваться живой в руки галлов, забралась на плоскую крышу высокого трехъярусного дома и бросилась вниз. Внизу у самой стены дома стояли, сбившись в кучу козы и овцы, напуганные криками и звоном оружия. Девушка упала с большой высоты прямо на эту небольшую отару и осталась жива, не повредив себе ни рук, ни ног, ни головы. Мягкие овечьи спины смягчили удар девичьего тела при падении.

Кто-то из галлов с радостным смехом схватил девушку за черные выющиеся волосы, посчитав ее своей военной добычей, но я немедленно вмешался и объявил, что эта девушка, спасаясь столь чудесным образом, явно находится под покровительством кого-то из богов. По этой причине эту девушку нельзя трогать и лучше отпустить ее на все четыре стороны, дабы не гневить богов. Поскольку со мной согласился оказавшийся тут же Брезовир, никто из галлов не стал выражать свое недовольство.

Я взял испуганную растрепанную девушку за руку и повел за собой, желая поскорее увести ее из охваченного кровавым хаосом городка, где свирепствовали галлы и германцы, добивая последних защитников Урия. Вскочив верхом на коня и посадив девушку позади себя, я

поехал по дороге в сторону горного хребта, лиловые вершины которого были облиты красными лучами закатного солнца. Дорога шла сначала по каменистой пустоши, затем углубилась в светлый лиственный лес. Крики галлов и германцев, грабивших Урий, постепенно затихли, затерялись вдалеке у нас за спиной. Моя юная спутница рыдала, уткнувшись лицом в мою спину. Я молча правил конем, вглядываясь вперед. Горячий жеребец то и дело порывался перейти на рысь, и мне приходилось ту же натягивать поводья, чтобы вновь перевести его на шаг.

Когда тень от горных вершин упала на дорогу, я увидел невдалеке небольшое селение, откуда спешно уходили люди, гоня перед собой коз и коров. Кто-то из селян ехал верхом на осле, кто-то верхом на лошади. Маленькие дети тряслись вместе с нехитрыми пожитками в скрипучих повозках, запряженных быками.

При виде меня какой-то старик в грубом плаще и войлочном колпаке спросил, далеко ли до римского стана. Я ответил, что не знаю.

– А ты разве не из римского войска, друг? – удивился старик, оглядев меня.

На мне был панцирь, шлем и поножи с убитого римского центуриона. Калиги у меня на ногах и красный плащ на плечах тоже были взяты мной как трофеи в лагере Клодия Глабра.

Я молча проехал мимо старика, мимо повозок и каких-то женщин с узлами в руках. Судя по голосам этих беженцев, все они торопились укрыться в военном римском лагере, до которого было рукой подать. Переведя коня в легкий галоп, я преодолел один довольно крутой подъем, затем следующий. С вершины горного кряжа мне открылась зеленая долина, посреди которой гигантским четырехугольником раскинулся стан римского войска, обнесенный по всему периметру рвом и валом. Оттуда долетали протяжные сигналы труб, ржание коней, громкие выкрики военачальников...

«Это подошел кто-то из консулов, – промелькнуло у меня в голове, – но кто из них Луций Геллий или Гней Лентул? А может, оба консула здесь?»

Несколько мгновений я пристально разглядывал римский лагерь, мысленно считая длинные ряды палаток. Выходило, что в этом лагере находится не меньше двух легионов. Значит, тут одна из двух консульских армий.

«Это то самое римское войско, которое должно разбить отряд Крикса, – размышлял я, нервно покусывая ноготь большого пальца на своей правой руке. – Значит, если верить Плутарху и Титу Ливию, это авангард консула Геллия, который преследовал отряды Спартака, но отклонился в сторону чтобы напасть на отколовшееся воинство Крикса. Этим авангардом командовал не сам консул Геллий, а его помощник... Как же его зовут? – Я усиленно копался в своей памяти, стараясь высветить в ней сведения, полученные мною на лекциях и из античных источников. – Это либо легат, либо претор. Ну да, точно, вспомнил! Правой рукой консула Геллия был претор Квинт Аррий. Он-то и уничтожил отряд Крикса. Так было по ходу истории. Но поскольку я – агент из будущего и гибель Крикса не входит в мои планы, стало быть, этот отрезок античной истории мне придется кардинально изменить. С моей помощью Крикс должен не только уцелеть, но и разбить войско претора Аррия! Иначе грош мне цена как агенту!»

Я помог своей спутнице сойти с коня на землю. Спросив, как ее зовут, я указал ей рукой на загоравшиеся в низине огни римского стана:

– Прощай, Сильвия! Ступай в римский лагерь, там ты будешь в безопасности этой ночью. А завтра утром уходи в город Левки, это в десяти милях к западу отсюда.

Сильвия взирала на меня своими большими печальными глазами, прижав согнутые руки к груди и не проронив ни слова.

Ударив коня пятками, я поскакал на восток по каменистой дороге, идущей резко под уклон. Сумерки быстро сгущались. Оказавшись в ложбине между двумя горными кручами, я оглянулся назад и увидел на гребне перевала на фоне сиренево-розового закатного неба одинокую тонкую девичью фигурку в длинном одеянии. Сильвия продолжала стоять на месте, глядя мне вслед.

* * *

Услышав от меня про римское войско, стоявшее станом всего в нескольких милях от Урия, Крикс стал похож на голодного волка, почуявшего желанную добычу.

– Под нашими знаменами двадцать две тысячи воинов, поэтому два римских легиона – для нас сущий пустяк! – Крикс небрежно сплюнул себе под ноги. – Подберемся к римлянам тихо в темноте и перебьем их сонных, как тогда под Везувием.

– Возможно, римлян больше, чем два легиона, – сказал я. – Командует ими претор Аррий. Это авангард консульской армии Луция Геллия.

– Тем лучше, – вставил Брезовир. – Сначала разобьем претора Аррия, потом навалимся на консула Геллия.

Прочие начальники когорт, упоенные стремительным взятием Урия, были настроены столь же решительно. Всем не терпелось поскорее напасть на римлян.

Крикс дал войску три часа на отдых и подкрепление сил пищей. Затем отряды восставших без трубных сигналов и пения победных песен выступили к Гарганскому хребту, у подножия которого стоял со своими легионами претор Аррий.

Дисциплина в войске Крикса была значительно слабее, чем в отрядах Спартака. Галлы и германцы рвались в битву с римлянами, но при этом, двигаясь на марше, многие из них успевали угощаться вином, взятым ими в подвалах разоренного Урия. Кто-то из воинов Крикса шел быстрее, кто-то медленнее, иные из галлов и вовсе сворачивали с дороги в сторону, чтобы пошарить в домах брошенной жителями деревни или поискать какой-нибудь поживы на одиноко стоявшей мельнице. Из-за этого войско восставших неимоверно растянулось на марше. Когда головные галло-германские когорты уже преодолели горный перевал и начали строиться в долине в боевую линию, в это время отставшие отряды Крикса еще только подходили к перевалу.

Эта неслаженность в действиях галлов и германцев выводила меня из себя. Я был готов хлестать плетью тех нерасторопных воинов, которые со смехом и пьяными шутками все подходили и подходили со стороны перевала, занимая свое место в боевом строю. Утро уже занялось, когда войско Крикса наконец-то было в сборе и готово к битве.

В римском лагере не могли не заметить полчища восставших рабов, сверкавшего оружием и доспехами. Очевидно было и намерение восставших, спустившихся с гор и расположившихся фалангой в долине. Чуткую рассветную тишину нарушили резкие громкие сигналы римских букцин. Не прошло и получаса, как из лагерных ворот с глухим шумом и лязгом устремились потоки римских легионеров в блестящих шлемах, с поднятыми кверху копьями. Среди копий покачивались на бегу значки манипулов и когорт. Два римских легиона выстроились в боевой порядок с поразительной быстротой.

– Вот это выучка! – восхищенно обронил самнит Клувиан, переглянувшись со мной.

В этот миг грянули боевые трубы галлов, подав сигнал к атаке.

Фаланга восставших пришла в движение. Шаг многих тысяч воинов, слитых в единый монолитный строй, сначала был медленным, затем стал ускоряться, чему способствовал уклон долины в сторону римского лагеря. Римляне сплотили свои ряды, заслонившись большими прямоугольными щитами. Воины Крикса на ходу наклонили свои копья в сторону врага. Вот рати сошлись с треском ломающихся копий и с грохотом сталкивающихся щитов. Боевой клич римских легионеров потонул в громоподобном реве объятых яростью галлов и германцев, которые в хмельном угаре лезли прямо на римские копья, напирали всей своей массой на боевые порядки римлян. Какое-то время легионеры стойко выдерживали мощный натиск восставших рабов, потери которых, особенно в центре, исчислялись многими сотнями убитых и раненых. Однако численный перевес позволил восставшим охватить фланги римской боевой

линии. Не прошло и часа ожесточенной сечи, как плотная стена из красных римских щитов подалась назад, захлестываемая звенящей железом волной из многих тысяч галлов и германцев. Вскоре отступление римлян превратилось в повальное бегство. Воины Крикса, надрывая глотки в торжествующем вопле, преследовали легионеров по пятам, безжалостно закалывая тех из них, кто спотыкался и падал, кто был ранен и не мог бежать.

Римляне попытались было остановить эту орущую лавину восставших рабов у своего лагерного рва, но наступательный порыв воинов Крикса был таков, что они перемахнули через ров и вал, смели поредевшие римские когорты и рассыпались по всему римскому стану, подобно саранче, упавшей с неба на хлебную ниву. Римлянам пришлось бежать из собственного лагеря на близлежащие холмы и подсчитывать там свои потери, в бессильной ярости взирая на торжество восставших невольников.

Отчасти столь быстрый успех галлов и германцев при захвате римского стана был обусловлен тем, что в лагере собралось множество беженцев из окрестных сел. Объятые паникой беженцы с женами и детьми метались по лагерю, внося еще большее смятение и в без того расстроенные римские манипулы и когорты. Участь несчастных беженцев была ужасна. Мужчин галлы убивали, а женщин насиловали прямо на земле рядом с окровавленными трупами. Тут же косматые германцы и беспощадные самниты терзали угодивших в плен легионеров, выпуская им наружу кишки, отрубая руки и ноги. Стоны умирающих в муках пленников сливались с жалобными криками женщин и плачем до смерти перепуганных детей.

Я метался по лагерю, спотыкаясь о мертвые тела, наталкиваясь на торжествующих галлов, деливших имущество римлян, заглядывая в шатры и палатки. Я искал Крикса, но того нигде не было. Меня страшила мысль, что Крикс, возможно, тяжело ранен, а то и вовсе убит, ведь он, по своему обыкновению, находился в самом пекле сражения. Я велел Эмболарии и Клувиану тоже заняться поисками Крикса и как можно скорее привести его ко мне или меня к нему. Эмболария и Клувиан бросились выполнять мое поручение, мигом затерявшись среди этого дикого шумного хаоса, которым был охвачен весь римский лагерь.

Заглянув в очередную палатку, я увидел двух галлов, раздевающих рыдающую девушку с растрепанными темными волосами. Ее прекрасное бледное лицо показалось мне знакомым.

– Сильвия! – невольно воскликнул я.

Галлы, узнав меня, отпустили девушку, неловко комкая в руках обрывки ее одежд.

– Андреас, мы не знали, что эта девушка твоя, – пробормотал один из воинов, перемазанный кровью с головы до ног. – Не гневайся.

– Мы уже уходим, – добавил другой, отвесив мне поклон. Этот второй был обнажен по пояс, его мускулистый загорелый торс был весь покрыт шрамами.

– Найдите Крикса! – строгим голосом повелел я, посторонившись и пропуская обоих галлов к выходу из палатки. – Скажите ему что я ищу его по неотложному делу!

Прошмыгнув мимо меня, воины выскочили наружу.

Я задернул за ними тяжелый входной полог и устало опустился на скамью. Я старался не смотреть на Сильвию, которая перестала плакать и пыталась прикрыть свою наготу обрывками столы. Из соседней палатки доносился грубый смех галлов, их голоса и женские рыдания. Неподалеку в проходе между палатками кто-то из германцев ломал кости пленному римлянину который плакал и умолял о пощаде. Другого пленника германцы жгли факелами, запах обгорелой человеческой плоти чувствовался издали. Сжигаемый заживо пленник буквально надрывался в крике от нестерпимой боли. Не в силах выносить это, я опустил голову, закрыв глаза и заткнув ладонями уши.

Я просидел так несколько минут, а может, дольше. Неожиданно кто-то встряхнул меня за плечо. Подняв голову, я увидел перед собой Эмболарию, раскрасневшуюся от быстрого бега.

– Я нашла Крикса, – сказала самнитка. – Он пребывает в преторском шатре.

– Что он там делает? – спросил я, поднявшись со скамьи.

– Пьет вино. – Эмболария криво усмехнулась. – Еще Крикс развлекается с женщинами. Впрочем, Крикс там не один, вместе с ним Ганник и Брезовир.

– Я иду туда! – У выхода из палатки я обернулся к Эмболарии, кивнув ей на испуганную Сильвию. – Позаботься о ней.

Эмболария молча кивнула, отбросив со вспотевшего лба длинную выющую прядь.

В большом преторском шатре с пурпурным верхом царила настоящая пьяная оргия. Кроме Крикса здесь находились еще шесть или семь начальников когорт, среди которых особо выделялись Брезовир и Ганник. В то время как все прочие военачальники угощались вином и всевозможными яствами, эти двое, раздевшись донага, с блаженными стонами и вздохами утоляли свою похоть. Брезовир на смятой преторской постели насиловал молодую пышнотелую женщину с длинными распущенными волосами, поставив ее перед собой на четвереньки. Длинный детородный жезл Брезовира с чавкающим звуком раз за разом погружался в алую женскую щель, бесстыдно сверкавшую между белыми полными бедрами и округлыми ягодицами. Загорелый дочерна Брезовир казался еще темнее рядом с беспомощной белокожей невольницей, уронившей голову в ореоле распущенных волос на свои согнутые в локтях руки. Женщина тихо стонала, но совсем не от удовольствия, а скорее от боли.

В другом углу шатра на другой постели похотливый Ганник буравил своим толстым жезлом нежное розовое лоно юной девы с заплаканным лицом и рыжими косами. Рыжеволосая девушка лежала на спине с раскинутыми в стороны стройными длинными ногами. Закрыв глаза и кусая губы, она молча терпела эту муку. Навалившись на девушку сверху, Ганник с удовольствием мял своими жадными руками белые девичьи груди с маленькими сосками.

Сидевшие за столом военачальники опрокидывали в рот чаши с вином, обсуждая при этом прелесть двух насилуемых женщин и посмеиваясь над ненасытностью Ганника и Брезовира.

При моем появлении в шатре смех за столом утих, взоры военачальников обратились ко мне. Кто-то из них перестал жевать, кто-то так и не донес до рта чашу с вином.

– Что случилось, Андреас? – озабоченно спросил Крикс, глядя на мое мрачное лицо.

– Празднуете победу, глупцы, и не ведаете того, что всего в полумиле отсюда претор Аррий собирает свои войска в кулак, чтобы обрушиться на наше войско! – сердито проговорил я, указав рукой на северо-запад в сторону холмистой гряды. – Не пьянствовать надо, а первыми напасть на претора Аррия! Если мы промедлим хотя бы час, то эта наша победа обратится в поражение. Послушай меня, Крикс. Я слов на ветер не бросаю. Вам ведомо, что мои предсказания всегда сбываются. – Сделав паузу, я обвел военачальников хмурым взглядом. – Оставьте чаши, друзья, и возьмитесь за мечи! Я читаю мысли претора Аррия, который не любит проигрывать битвы и собирается отбить у нас свой лагерь.

Крикс со звоном поставил свою чашу на стол.

– Братья, – сказал он, – выводите свои отряды из лагеря. Действуйте без промедления! Надо предупредить претора Аррия. Пусть трубачи дадут сигнал боевой тревоги!

Глава третья Смерть претора Аррия

Я убедил Крикса отдать под мое начало всех самнитов и луканцев, коих было около семисот человек. С этим отрядом я надумал совершить глубокий обходной маневр, чтобы ударить римлянам в спину. Самнит Клувиан, неплохо знавший эти места, должен был провести мой отряд незаметно для римских дозоров.

Крикс, то ли не доверяя мне, то ли беспокоясь за мою жизнь, присоединил к моему пешему отряду еще пятьсот германцев во главе с Арвинием. Этот Арвиний тоже был некогда гладиатором и обрел свободу прошлой осенью, когда Спартак потребовал у властей Капуи освободить всех гладиаторов и рабов-мужчин в обмен на пленных капуанцев.

Эмболария тоже хотела отправиться со мной, но я приказал ей остаться в войске Крикса и все время держать Сильвию при себе.

Клувиан повел мой отряд сначала к перевалу, чтобы ввести в заблуждение римских дозорных, которые наверняка вели наблюдение с холмов за войском восставших. Затем, скрываясь за Гарганским хребтом, мое небольшое войско вышло на лесную дорогу, идущую на запад к городу Левки. Мои воины валились с ног от усталости, но я не давал им ни минуты передышки. Сойдя с коня, я шел пешком наравне со всеми, обливаясь потом и изнывая от жажды. Было начало апреля, но солнце на этих южных широтах уже припекало очень сильно. В моем мозгу, как в калейдоскопе, всплывали тексты античных авторов, давших описание разгрома отряда Крикса легионами претора Аррия. Все античные авторы излагали этот эпизод древней истории таким образом. Сначала восставшие рабы опрокинули войско претора Аррия, загнав его на близлежащие холмы. Ближе к вечеру, когда воины Крикса увлеклись разграблением римского лагеря и празднованием своей победы, римляне напали на галло-германский отряд, истребив его почти поголовно. Пал в этом сражении и сам Крикс.

«Мне, может, и не удастся довести восстание Спартака до полной победы над Римом, но спасти войско Крикса от разгрома мне вполне по силам, – мысленно твердил я себе. – Поражение претора Аррия сильно ослабит армию консула Геллия, а избежавший смерти Крикс станет настоящим бичом для римлян!»

После трехчасового перехода мой отряд наконец подошел к холмистой гряде с северо-запада, закончив обходной маневр. Высланные вперед разведчики сообщили мне, что на холмах идет сражение. Отряды Крикса пытаются взойти на вершину холмистой гряды, но римляне всякий раз сбрасывают восставших вниз.

«Что ж, посмотрим, сможет ли человек из будущего кардинально изменить ход древней истории!» – с азартом подумал я перед тем, как повести свой отряд в атаку.

Густой орешник и миртовые деревья служили прекрасным укрытием для моих воинов, которые усталым шагом двинулись на врага, сознавая в душе, что с ними сейчас их главный союзник – внезапность. Я взобрался на коня, чтобы быть у всех на виду и в случае чего-то непредвиденного успеть домчаться с одного фланга на другой. Мой измотанный долгой дорогой отряд рассыпался густой цепью, продвигаясь в гору по мягкой траве и шуршащим мелким камням; выше по склону светло-коричневой корой светились высокие стройные сосны, над которыми проплывали белые облака. День уже клонился к закату.

Мои нервы были натянуты до предела. Шум битвы то усиливался, то затихал. Боевой клич римлян доносился до нас все явственнее и явственнее. Я сильно тревожился за Крикса и его наступающие в лоб когорты. Если римляне обратят войско Крикса в бегство, тогда удар моего отряда в спину легионерам уже не изменит положение восставших к лучшему. Более того, мой немногочисленный отряд будет обречен на гибель.

Мне казалось, что этот подъем к вершине холма никогда не закончится, что мои воины карабкаются по склону слишком медленно. Крикс наверняка ждет от меня помощи, а мой

отряд тащится, как улитка! Погоняя коня, я вырвался далеко вперед, не слушая предупреждающих окриков Клувиана. Проехав через светлый сосняк, я очутился на самой вершине, озаренной закатным солнцем и обдуваемой теплым ветром.

Неожиданно передо мной, как из-под земли, возникли три римских воина в длинных кольчугах, подпоясанные широкими кожаными ремнями, на которых висели короткие мечи. У всех троих в руках были дротики и небольшие овальные щиты.

«Велиты! – промелькнуло у меня в голове. – Видимо, тыловые дозорные!»

Один из воинов окликнул меня, спросив пароль.

Я спокойно спешился и сбросил щит с левой руки, делая вид, что хочу осмотреть копыто на левой передней ноге своего скакуна.

Велиты подошли ко мне поближе, наверное, приняв меня за одного из контуберналов претора Аррия. Я мигом воспользовался их беспечностью. Быстрым кошачьим движением выхватив дротик из руки ближнего ко мне велита, я пнул его ногой в пах, а затем с силой вонзил стальное жало короткого копья другому велиту между глаз. Тот вскрикнул и упал навзничь. Третий велит направил на меня свое копье, целя мне в живот, но я парировал этот удар древком своего дротика. После чего я заколол ударом в глаз того дозорного, который корчился, припав на одно колено, после моего удара в пах. Оставшись один на один с последним из дозорных, я выбил копье у него из рук, как меня учили в гладиаторской школе. А когда римлянин бросился наутек, то я уверенно метнул в него свой дротик, пробив ему шею навывлет.

Вскоре на вершину поднялись и воины из моего отряда. Ко мне подбежал Клувиан.

– Ого! – усмехнулся он, увидев безжизненные тела троих велитов. – А с тобой опасно иметь дело, приятель.

Я вновь вскочил на коня, решительным жестом увлекая своих людей за собой.

Клувиан и Арвиний хриплыми усталыми голосами отдавали быстрые приказы, сплывая самнитов и германцев в плотный боевой строй. Растянутая воинская цепь превратилась в некое подобие железного ежа, ошестинившегося копьями.

Клувиан крикнул мне, чтобы я спешился и занял место в строю вместе со всеми, но я только отмахнулся. Я дрожал от нетерпеливого желания поскорее вступить в битву с римлянами!

Мои люди быстро добежали до противоположного, более пологого склона возвышенности, на котором кипело ожесточенное сражение. Восставшие рабы, заслоняясь щитами, шеренга за шеренгой, надвигались снизу вверх. Укрепившиеся наверху римляне забрасывали восставших камнями, разили их копьями и мечами, то и дело сталкивая вниз по склону измотанные отряды Крикса. Мой отряд, врезавшись в боевые римские порядки, вызвал смятение и панику среди легионеров. Позади у римлян стояли когорты вспомогательных войск. Воинов из этих когорт можно было узнать по овальным зеленым щитам с узорами в виде листьев лотоса, по зеленым плащам и круглым шлемам с широким козырьком. Во вспомогательные войска римляне обычно набирали своих союзников из числа италиков, греков и этрусков. Высокими боевыми качествами эти войска никогда не отличались. Я убедился в этом в первые же минуты боя, видя, как легионеры с зелеными щитами разбегаются в разные стороны под напором моего стремительного отряда.

Лишь столкнувшись с легионерами-триариями, римскими ветеранами, я понял, что такое настоящая воинская выучка. Триариям нужно было спешно спасти положение, пока римское войско не оказалось рассеченным надвое. Ветераны ринулись на мой отряд, выставив вперед копья и сплотившись плечом к плечу. Мой конь, исколотый копьями легионеров, с диким ржанием повалился на бок, затем вскочил и, хромя, ускорился прочь. Мне пришлось сражаться пешим. Синие прямоугольные щиты триариев с золотыми узорами в виде орлиных крыльев надвигались несокрушимой стеной. Самниты и германцы так и падали один за другим перед строем римских ветеранов, медленно, но верно теснявших мой отряд.

Действуя с безрассудством отчаяния, я вырвался вперед из шеренги своих воинов, набросившись на центуриона триариев. Это был уже немолодой воин, на узком морщинистом лице которого была печать каменного спокойствия. Он хладнокровно отразил удары моего меча, затем нанес удар сам и сразу же ранил меня в левую ногу чуть выше колена. Резкая боль и побежавшая по ноге кровь привели меня в бешенство.

«Ах ты, старый перец! – со злостью подумал я. – Ты у меня сейчас попляшешь, долбаный индюк! Захлебнешься собственной кровью!»

Обрушив на центуриона целый град ударов мечом и нижним краем щита, я заставил его податься назад. Во мне не было ни малейшего страха, только бешенство и какой-то свирепый азарт владели мною в этой схватке. Меч-махера в моей руке звенел и лязгал, сталкиваясь с прямым клинком старого legionера. Какой-то ветеран в бронзовом старом шлеме с белыми перьями, стараясь помочь своему центуриону, с силой толкнул меня своим тяжелым щитом и сразу же нанес укол мечом сверху, норовя поразить меня в лицо или шею. Это была обычная уловка римских legionеров в ближнем бою. Я не попался на нее, надежно закрывшись щитом и рубанув legionера мечом по ноге из глубокого полуприседа. Это был уже прием гладиаторов, освоенный мною в школе Лентула Батиата. Мой противник с белыми перьями на шлеме со стоном припал на одно колено, невольно опустив нижний край своего щита на землю. Не мешкая, я тут же рубанул его по шее так, что брызнувшая из рассеченной артерии кровь залила мне лицо и панцирь.

Издав предсмертный хрип, legionер с белыми перьями на шлеме рухнул прямо к моим ногам.

«Извини, папаша! – мысленно усмехнулся я. – Зря ты встал на моем пути!»

Перешагнув через павшего от моего меча legionера, я вновь бросился на центуриона с упорством хищника, наметившего себе жертву.

Превосходя меня опытом, центурион уступал мне в стремительности, отвечая на два моих удара мечом одним своим. При защите центурион больше полагался на свой щит, нежели на меч. Наседая на своего бывшего врага, я пускал в ход одну уловку за другой, действуя мечом так, что центурион все чаще уходил в глухую защиту, не рискуя переходить в атаку. Всего один раз центурион зазевался, и острое моего меча рассекло ему нос, с хрустом пронзив черепную коробку до самого затылка. Центурион умер мгновенно и без крика.

Над его телом развернулась беспощадная бойня. В эту маленькую брешь в боевой шеренге триариев скопом устремились германцы, воодушевленные моим смелым выпадом. Теперь уже триарии падали один за другим, громя их щитами и роняя наземь мечи. Арвиний ударом топора раскроил голову римскому знаменосцу. Подхватив знамя триариев, могучий германец громогласно прокричал боевой клич своего племени.

На этот громкий вопль Арвиния откликнулись германцы из отрядов Крикса, продолжавшие штурмовать укрепленные камнями позиции римлян на склоне холма. Их ответный пронзительный рев словно вдохнул новые силы в моих усталых воинов, которые все увереннее теснили римлян к крутому откосу, за которым их тоже ждала смерть от мечей и копий восставших.

Увидев штандарт римского полководца, я рванул туда, хотя на моем пути стояли вперемежку триарии и гастаты, римские новобранцы. Ряды римлян были расстроены, тем не менее повального бегства среди них не наблюдалось. Римляне смотрели на своего полководца, который храбро сражался наравне со всеми, зычным голосом ободряя своих соратников. Преимущества занимаемой римлянами позиции позволяли им выдерживать вражеский натиск с двух сторон.

Мой разящий меч окрасился по самую рукоятку кровью убитых мною римлян. Я не знал, сколько legionеров пало от моего меча – неопытных юношей и седых ветеранов, – перед тем, как я оказался лицом к лицу с претором Аррием. Это был грузный плечистый римлянин лет

пятидесяти с горбатым носом и властным ртом, в надвинутом на самые брови шлеме с черными перьями на макушке, украшенном позолоченной чеканкой в виде дубовых листьев.

Было видно, что претор сильно измотан долгой упорной битвой, однако он первым ударил меня копьем, вонзив его в мой щит с такой силой, что древко переломилось, а острый наконечник застрял в середине щита.

«Ну, держись, черт носатый!» – стиснув зубы, подумал я.

Чередую удары от плеча с быстрыми колющими выпадами, я довольно быстро сумел выбить меч из руки претора и в следующий миг рассек ему лицо от лба до подбородка. Претор упал на колени, закрыв окровавленное лицо ладонями.

«Гуд бай, май френд!» – мысленно воскликнул я, добив знатного римлянина ударом меча в горло.

Смерть претора Аррия лишила римлян мужества, их боевые порядки распались. Бросая копья, щиты и знамена, легионеры кинулись наутек через сосняк и орешник и дальше вниз по склону холма к близлежащим тенистым дубравам и кипарисовым рощам. Восставшие не преследовали разбитого врага, не имея сил для этого.

Отряды Крикса понесли серьезные потери. И все же Крикс выглядел очень довольным, расхаживая по широкому гребню возвышенности и разглядывая убитых римлян. С особым интересом Крикс осмотрел убитого претора Аррия, возле которого толпилось множество галлов и германцев.

Встретившись со мной, Крикс заключил меня в крепкие объятия.

– Клянусь Гезом, ты настоящий храбрец, Андреас! – промолвил он, обнажив в широкой улыбке свои крепкие белые зубы. – Ты настоящий провидец! Отныне ты будешь моим главным советником!

Глава четвертая Человек со шрамом

На следующий день я встал разбитый; после ночи, проведенной в палатке на жестком ложе, у меня ломило спину и плечи. К тому же всю ночь меня мучили кошмары. И во сне я продолжал кого-то рубить мечом, от кого-то отбивался что есть сил, спотыкаясь о груды трупов и топчась в лужах крови. Мои выкрики и стоны мешали спать Эмболарии и Сильвии, которые ночевали в одной палатке со мной.

Утром Эмболария сменила повязки на моих ранах, заметив при этом, что в Левках есть целебный источник, вода из которого заживляет любые порезы и ушибы.

«После погребения павших Крикс намерен вести войско в Левки», – добавила Эмболария.

Спустя три дня отряды Крикса подошли к Левкам, разбив стан вблизи от города.

В этой местности вздымались отроги Апеннинских гор, здесь повсюду находились каменоломни, заброшенные и разрабатываемые. Здешние горы были богаты прекрасным белым камнем, мрамором и известняком. Из этого белого камня был выстроен небольшой городок Левки, название которого в переводе с греческого означает «Белый». Этот городок был основан греческими колонистами еще пять веков тому назад. За прошедшие столетия кто только не прибирал его к рукам: и местное племя апулов, и этруски, и самниты... В конце концов Левками завладели римляне, победившие все итальянские народы.

Оказалось, что знаменитый целебный источник находится не в самом городе, а поблизости, в горном гроте, куда ведет узкая извилистая тропа. Местные жители почти не ходят к целебному источнику, поскольку с детских лет знают легенду о том, как возник этот чудодейственный ручей. Миф рассказывает, что когда-то Геракл изгнал из Кампании племя гигантов, которых называли левтернийскими. Гиганты бежали сюда и через глубокие пещеры ушли под землю. Там, в недрах земли, все гиганты погибли. С той поры из крови погибших гигантов берут начало зловонные струи левтернийского источника.

Хозяин дома, пустивший на постой меня, Эмболарию и Сильвию, охотно поведал нам эту легенду об исчезнувших под землей гигантах со всеми не очень приятными подробностями. Хозяина звали Либедий. В его жилах текла апулийская, греческая и самнитская кровь. Он был не стар и хорош собой. У него была кожевенная мастерская, масличная роща и большой виноградник. Рабов в своем хозяйстве Либедий не держал, поскольку, по его словам, труд невольников окупается только в больших поместьях или в каменоломнях. Мелким и средним собственникам земли выгоднее трудиться самим вкупе с ближайшей родней. Поэтому основной рабочей силой в хозяйстве Либедия кроме него самого были его жена и дети. Из четверых детей Либедия от тяжелого труда была избавлена лишь его двухлетняя дочь. Трое старших сыновей всю помогали отцу и в мастерской, и на винограднике, и на маслодавальне.

В первый же день нашего пребывания в Левках Эмболария попросила Либедия, чтобы тот проводил нас к пещере, где бьет левтернийский источник. Либедий не заставил себя долго упрашивать. Когда спала полуденная жара, он повел меня и Эмболарию к знаменитому гроту. Сильвия с нами не пошла, предпочтя отдохнуть в одиночестве от всех тяжелых впечатлений, пережитых ею за последние дни.

Выйдя из города, из его узких тенистых улиц, мы какое-то время шли по ущелью, заросшему кустарником и диким виноградом, потом стали подниматься в гору. С вершины двугла-

вой, покрытой трещинами горы белый городок был, как на ладони. Он лежал на широком плато, окруженный скалами, хранившими на себе следы разломов после случившихся здесь некогда землетрясений.

– Часто ли Посейдон трясет эти места? – обратилась к нашему проводнику Эмболария.

Древние римляне, как и греки, верили в то, что, если гремит гром, значит, это гневается Зевс, по-римски Юпитер, а если начинается землетрясение, стало быть, пришел в ярость бог морей Посейдон, брат Зевса.

– На моем веку Левки пока еще ни разу не трясло, – обернулся к Эмболарии шагавший впереди Либедий, – а я уже прожил тридцать шесть лет. Покуда самым большим потрясением для жителей нашего городка является восстание рабов, охватившее юг Италии. Три дня тому назад через Левки проходили разбитые рабами легионы претора Аррия, так на этих легионеров было жалко смотреть. Голодные, грязные, израненные – не войско, а толпа одичавших людей!

Мы с Эмболарией молча переглянулись.

– Куда же ушли эти разбитые легионы? – поинтересовался я.

– К горным проходам, ведущим в Кампанию, – на ходу ответил Либедий. – Вместе с легионерами ушли в Кампанию все зажиточные граждане Левк.

– Почему же ты со своей семьей не ушел, друг Либедий? – спросила Эмболария.

– На кого же я оставлю свои маслины и виноградник? – Либедий вновь оглянулся на Эмболарию. – Оливковые деревья и виноградная лоза требуют постоянного ухода, красавица. Все работы нужно делать вовремя, иначе можно остаться без хорошего урожая. К тому же я не патриций и не рабовладелец, чего мне страшиться восставших невольников?

Тропинка, по которой нас с Эмболарией вел Либедий, вилась среди отвесных белых скал, причем постоянно приходилось идти в гору. Чистый горный воздух, пропитанный ароматом свежей листвы дрока и тамариска, бодрил меня и слегка кружил мне голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.